

Раушан

Иманжусуп

доктор философских наук, профессор
Евразийского национального
университета им. Л. Гумилева

НАСЛЕДИЕ ИМАНЖУСУПА

Созданная в самом сердце Сарыарки молодая столица Астана – уникальный город. Уникальность его в том, что он одинаково приспособлен для обитания как молодых, так и пожилых. Мои любимые места – это набережная, мосты, памятник Кенесары. Еще одно удивительное место – триумфальная арка «Мәңгілік Ел», воздвигнутая в честь 20-летия Независимости. Не все знают, что если спуститься вниз по ступенькам, можно попасть в художественную галерею, а еще можно подняться на лифте на высоту 20 метров и с башни полюбоваться городом с высоты птичьего полета. Триумфальная арка – это не только прелюдия столицы, ворота в город, сюда обязательно надо прийти, потому что в ее идее заложена вся история становления нашего государства и города Астаны.

Есть в этой истории и особенно дорогие мне страницы, связанные с именем моего деда – Иманжусупа. И потому у моего переезда в Астану своя большая предыстория, а начиналась она в 1991 году – с обретением Казахстаном независимости.

В начале года в одном из номеров газеты «Қазақ әдебиеті» появился очерк Оралхана Бокеева, известного писателя, журналиста, – «Неделя Президента», где автор рассказывал о поездке Нурсултана Абишевича в Ерейментау. Вдруг Нурсултан Абишевич, стоя на вершине горы, запел песню. Оказалось, что это была песня Иманжусупа, выдающегося поэта и композитора, певца. «Я, – вспоминал Оралхан, – готов был от стыда провалиться сквозь землю, потому что, будучи литератором, не знал ни этой песни, ни ее автора».

К сожалению, тогда, в начале 90-х годов в подобном незнании могли сознаться многие, и не только литераторы. И тому была причина – песни Иманжусупа, да и само его имя, были запрещены. По воспоминаниям Надежды Лушниковой, учившейся в одной школе с будущим президентом, на школьных концертах Нурсултан Назарбаев часто с необыкновенным успехом пел песню «Ерейментау» Иманжусупа. Илья Жаканов писал о том, как в их село приехал издалека один человек и, услышав, что местные певцы поют песню Иманжусупа, сказал: «Как бы чего не вышло, разве вы не знаете, что петь их нельзя?» И тогда один певец бросил в сердцах: «Даже если прямо сейчас меня арестуют, я буду петь эту песню!» Люди тосковали по песням Иманжусупа, не хотели их забывать.

В 1992 году моему отцу Нурхану выслали документы о реабилитации Иманжусупа Кутпанова, объявленного врагом народа за участие в антисоветском восстании и расстрелянного. Как явствовало из присланных бумаг, Иманжусуп был

приговорен «тройкой» к расстрелу 2 марта 1931 года. Оказалось, что отец всю жизнь искал следы Иманжусупа. Ураган сталинских репрессий разогнал птенцов из гнезда Кутпановых. Отцу чудом удалось остаться в живых: старшие братья, выполняя наказ Иманжусупа, тайно вывезли его в Ташкент вместе с тремя маленькими сестренками. Потом им удалось пристроить его в Наманганский детский дом под фамилией Юсупов. Юсуповыми стали и остальные дети Иманжусупа. Отец закончил Андижанский агрохимический техникум, стал агрономом в Субхандарьинской области, был призван в армию перед самой войной, осенью 1940 года. Прошел всю войну, был командиром отделения катюш, участвовал в боях под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге. После победы в 1945 году еще год провел в Манчжурии. На родину вернулся в 1946 году, был тридцатитысячником, работал председателем колхоза, директором МТС. Женился, семья была большой – шестеро детей.

Я помню, как я, маленькая, приставала всегда с одним вопросом: «Кто твой отец? Как его зовут? Юсуп?» – отец отвечал: «Не знаю. Я родился в детдоме». Помню, однажды я прибежала из школы, радостная, возбужденная: «Отец, я знаю, мы из рода князей Юсуповых, это знаменитый род! Князю Юсупову сам Пушкин посвящал стихи! Юсуповы были очень богатыми, известными людьми, у них были дворцы!» И стала читать наизусть пушкинские строки:

И часто я украдкой убегал
 В великолепный мрак чужого сада,
 Под свод искусственный порфирных скал.
 Там нежила меня теней прохлада;
 Я предавал мечтам свой юный ум,
 И праздно мыслить было мне отрада.
 Любил я светлых вод и листьев шум,
 И белые в тени дерев кумиры,
 И в ликах их печать недвижных дум.

Отец выслушал меня и сказал: «Нет, я не имею отношения к ним. У нас другие корни». Много позже он признавался: «Как хотелось рассказать тебе о своем отце, о своих предках. Но я сдерживал себя, опасаясь последствий. Ведь в те годы нельзя было даже произносить вслух имя Иманжусупа». Не знала я тогда, что была недалеко от истины, воображая себя княгиней Юсуповой. Как оказалось, прапрадед мой Турганбай Сиргебаев во времена Кокандского ханства был наместником Туркестана и носил титул датки – пансата. На берегах Сырдарьи сородичи до сих пор не произносят вслух имени Иманжусупа, а называют почтительно даткой, а меня дочерью датки. Датка и князь – почти одно и то же по рангу, только датка – титул восточный, передающийся из поколения в поколение. Кстати, лет пять назад Азат Акимбек, известный в стране коллекционер и меценат, заслуженный деятель искусств РК, при встрече назвал себя князем, потомком турфанских князей. Видя мое изумление, он показал мне свидетельство от всемирной геральдической гильдии, которым подтверждался его титул. Когда я рассказала ему историю семьи, он сказал, что ради памяти предков я должна вернуть себе титул датки. Что ж, может, князь Акимбек и прав, и обрести титул означало бы обрести забытую память.

Заручившись письмом от Союза писателей, я пришла в комитет государственной безопасности, располагавшийся по улице Дзержинского. Мне предстояло познакомиться с делом деда. Провели в маленькую, с чуланчик комнатную без окон. Василий Иванович, человек в штатском, положил на столик толстую, пухлую папку. Пристально глядя мне в глаза, сказал: «Хочу предупредить – это может оказаться для вас слишком тяжелым испытанием. Постарайтесь быть спокойнее, что бы вы ни увидели, держите себя в руках».

Мне предстояло впервые встретиться со своим дедом, родителем моего отца, я должна была узнать место его последнего пристанища. Конечно, я немного волновалась, но я и представить себе не могла, что произойдет через несколько минут. Он раскрыл папку, держа ее в своих руках, и стал перелистывать страницы, приговаривая: «Вот это вам не надо, и вот это не разглашать, вот это прочитайте и запомните, а вот это не надо запоминать». И вдруг появилась анкета арестованного – она была заполнена, как и все остальные, фиолетовыми чернилами, но в конце ее стояла подпись, которую дед написал по-арабски. Меня как будто что-то толкнуло прямо в сердце – дед подписался своей ручкой: перо тонкое, арабские буквы выписаны аккуратно, но главное – зелеными чернилами. Не в силах отвести взгляда от подписи, я смотрела сквозь слезы, и не могла, не могла сдержать подступившего крика, почти вопля. Дело в том, что с детства я рисовала почему-то только одной краской, одним карандашом – зеленым, и меня невозможно было уговорить пользоваться другими. Эта привычка осталась, кстати, и в институте: все конспекты лекций записывала я зелеными чернилами.

Как было страшно, больно, но именно тогда ко мне пришло ощущение близости, родства с этим человеком, который и вправду был моим дедом. Ко мне будто вернулась память. Я вспомнила, как редкие гости в нашем доме говорили обо мне, что я настоящий герой, вся в своего деда. Дядя Акылбек до конца своей жизни звал меня каскыром и рассказывал всем о подвигах, совершенных мной в пятилетнем возрасте. Старшая сестра отца, Гульжазира, в то время ослепшая, всегда говорила, чтобы меня никуда не отпускали одну, иначе меня заберут аруахи, духи предков.

И мне тогда показалось, что вся моя жизнь была подготовкой к этой встрече. Я должна была узнать об Иманжусупе первая, узнать его и привести к людям. С этого дня началась моя новая жизнь – я направлялась по следам Иманжусупа.

Первым пунктом моего пути стал Акмолинск. Это было в начале 90-х годов прошлого уже века...

Через много лет после отъезда деда из Акмолы приехала я в этот город – приехала, чтобы способствовать возрождению былой славы Иманжусупа, восстановить справедливость, дать вторую жизнь его песням. Передо мной стояла важная задача: я должна была вернуться к своим истокам, обрести родичей, разыскать потерявшихся и забытых родственников. И одно только оружие было у меня тогда – слово «Иманжусуп».

Вспоминаю, как старушка спросила меня на вокзале в мой первый приезд в Акмолу, кто я. Услышав, что я внучка Иманжусупа, всплеснула руками и воскликнула: «А знаешь ли ты, что я тебе родня?» Сойдя с поезда, обратилась с вопросом к подростку, стоявшему на перроне: «Знаешь ли ты Иманжусупа?» И тот тут же принялся рассказывать о том, каким был славный батыр. Оказывается, дед его в

юности был джигитом Иманжусупа, ухаживал за его знаменитыми скакунами. Он-то и научил внука петь песни прославленного старшего друга.

Я планировала встретиться с теми, кто видел Иманжусупа, кто был очевидцем его деяний, кто мог бы рассказать о нем. В Александровке, нынче это село Жибек Жолы, я познакомилась с Хамитом Нуртазиным, с братьями Абдулхамитом и Абдувахитом, близкими родичами Иманжусупа, с потомками старшей сестры деда Батиш. Старики, особенно Хамит-ага, могли рассказывать об Иманжусупе часами. Хамит-ага показал мне место, где стояли срубленные из бревен дома Кутпановых – они жили отдельно от аула Карасу. Привел меня – помню, это было глубокой зимой, – на кладбище, где захоронены только Кутпановы: родители, старшие братья, их жены, их дети. Могильник был окружен глубоким рвом. «В самом центре стоял сложенный из кирпичей мазар Шоная, но в целину его разобрали на постройку домов», – сказал, вздыхая, Хамит-ага. Среди могил росло огромное дерево – дарак, рядом – еще одно дерево, больше похожее на кустарник. «Смотри, дочка, чтобы не распахали это место, до сих пор я был шыракшы (сторожем), теперь я стар и передаю все заботы о нем тебе. Ты должна огородить его, поставить знак. Времена меняются, люди уходят, чтобы память осталась, надо сохранить это кладбище, запомни».

Так говорили мне мои дорогие сородичи из села Жибек Жолы, и я не могла не выполнить их аманата, завета. Я переехала в родовое имение (так я стала называть аул Жибек Жолы, где жил мой дед, мои предки, которые закончили здесь свои дни). В 2012 году по моему письму работниками управления по охране и сохранению памятников по Акмолинской области могильник был исследован. По материалам исследования был составлен акт, обозначены все необходимые характеристики. Могильник зарегистрировали как культурный памятник XIX века и включили в список сакральных объектов Акмолинской области. По распоряжению акимата Аршалынского района родовое кладбище было огорожено. С места расстрела Иманжусупа (город Тараз) привезли землю, и состоялось символическое ее захоронение под плитой из камня на кладбище. На камне выбиты строки из дастана Мансура Бекежанова:

Ты – тулпара могучего след на земле,
Скакуна, обогнавшего время в байге,
Ты – тенистый чинары стройный побег,
Острой сабли клинок, закаленный в огне.

В том же году в аул Жибек Жолы из многих областей Казахстана съехались все, кому дорога была память об Иманжусупе, проведен поминальный ас в школе его имени, открыт культурный исторический центр, заложен музей народного батыра.

Были на том празднике и представители Жамбылской области. Они рассказали о своих планах по увековечению памяти Иманжусупа, о том, что на месте расстрела Иманжусупа будет установлен памятный знак, возведена стела. И в 2013 году, год 150-летия Иманжусупа, в День памяти жертв репрессий таразцы провели конференции, круглые столы и открыли памятный знак.

Почтенных родичей, беспокоившихся когда-то о сохранении кладбища и полагававшихся на меня, уже давно нет. Но я думаю, души их успокоены. С тех

пор десятки, сотни людей приезжают к могильнику, как к святому месту, чтобы почтить память Иманжусупа и его предков, чтобы воздать должное их беспримерным подвигам.

В Акмоле встретила я с Султаном Толебековым. Это был 95-й год. Ему уже было за девяносто, он видел Иманжусупа пятнадцатилетним и не мог без слез вспоминать о нем. Вообще, все мои респонденты имели одно сходство – как только им сообщалось, что я внучка Иманжусупа, они принимались обнимать меня, вглядываться в мое лицо и, плача, говорили: «Да, похожа, глаза, скулы, лоб – вся в деда». Я успокаивала их, утешала, записывала их речи на диктофон. «Как же нам не плакать! – говорили они. – Ведь он был нашим отцом, нашим заступником и защитником. Все знали: случись что – надо идти к Иманжусупу, он поможет». И начинались воспоминания про бесчисленные геройские подвиги Иманжусупа: про то, как два офицера на Кояндинской ярмарке стали стрелять из пистолетов в портрет Кенесары, навесив листок вместо мишени на ветку дерева. Как вышел из толпы могучего вида молодой казах, схватил офицеров, как котят за шиворот, приподнял и разбросал их в разные стороны. Потом сорвал портрет с дерева и исчез. Долго допытывались у толпы, кто это был, но люди пожимали плечами. И только немногие, перешептываясь, говорили: «Это младший сын Кутпана, настоящий батыр».

Еще в первый свой приезд в Акмолу я поняла, что надо записать всех моих дорогих стариков, сделать фильм. И в 1997 году снова приехала в Акмолу со съемочной группой телеканала «Казахстан». То было трудное, голодное время. Денег не было. Получив отпускные, я пришла к Тамаре Рубцовой, редактору телеканала, где вела целый год «кулинарную передачу» «Я расскажу вам, как...», и попросила ее помочь сделать фильм. «Проезд и проживание за мой счет, – сказала я, – а гонорара нет». Тамара отправила журналиста, оператора и ассистента.

Остановились мы тогда чуть ли не в единственной в Акмоле гостинице «Ишим». И сразу же отправились к Абишу Кекильбаеву, тогдашнему государственному секретарю. Нам удалось подойти к нему в Конгресс-холле. «Я внучка Иманжусупа, скажите нам несколько слов о нем на камеру», – сказала я. Абиш-ага был очень удивлен и все повторял: «Так вы живы, вы есть, а мне говорили, что нет у него никого из потомков».

Абиш-ага долго и вдохновенно говорил об Иманжусупе, и мне не верилось, что он минуту назад и не представлял себе, что ему предстоит участие в фильме. Он говорил сначала на казахском, потом на русском языке. К сожалению, пленку с казахским текстом размагнитили, сказав, что не могут ее долго хранить, а на русском языке фильм сохранился, и слова Абиш-ага о народном батыре сейчас рестиражированы и встречаются почти в каждом материале об Иманжусупе. Вот что он говорил тогда о кумире своей юности: «Иманжусуп – одна из романтических личностей недавнего прошлого. Он по призванию художник, творец, композитор, великий музыкант. Он совершал абсолютно неповторимые, незаурядные подвиги, которые до сих пор живо отзываются в сердцах людей. Своим благородством, непризнанием любого насилия, резким протестом к любому проявлению социального зла он будет подкупать представителей, наверно, многих поколений всех времен. Жаль, что до сих пор этот человек, эта личность не могла найти достойного художественного воплощения в литературе, искусстве, получить достойную оценку со стороны историков».

Эту оценку народного писателя, государственного деятеля я приняла за программный документ, и до сих пор в своих исследовательских работах обращаюсь к нему как к первоисточнику. Всего в пяти предложениях Абиш-ага сформулировал самое главное, что было выдающегося в личности последнего поэта эпохи безвременья в Казахстане. Что касается сожаления мэтра литературы о недостаточном воплощении облика Иманжусупа в литературе и искусстве, то спустя десять лет надо заметить, что очень многое сделано в деле возвращения наследия поэта и композитора народу, и многое еще предстоит.

Феномен этого явления, я думаю, в том, что, как ни старались очернить и оклеветать поэта и композитора, как ни пытались предать забвению не только его песни, но и саму память о нем, народ сохранил в сердце своем любовь к тому, кто был его защитником и заступником, кто был его кумиром и героем. Абиш-ага сказал мне на прощанье: «Ты должна написать все, что ты перенесла, и выпустить книгу. Приезжай ко мне, помогу, чем смогу». И вот я в кабинете государственного секретаря РК, народного писателя РК Абиша Кекильбаева, в руке у меня – папка-скоросшиватель с рукописью книги «Иманжусуп». В Алматы один из издателей небрежно сказал: «О чем разговор? Столько знаменитых авторов не печатают, а тут ты собралась издавать книгу. Даже и не пытайся, ничего не получится».

Но я все-таки решилась, и вот я третий час в кресле, а Абиш-ага, раскрасневшийся, взволнованный, читает мою рукопись. Потом он снял трубку и позвонил министру культуры: «Тут внучка Иманжусупа книгу написала о своем деде. Серьезная вещь. Необходимая. Надо помочь». Прощаясь, он сказал: «Горжусь тобой, ты возвращаешь Иманжусупа народу, родной земле. Это подвиг, не сворачивай с этого пути. Ты теперь не просто Раушан, а плакальщица Иманжусупа». Так он и звал меня с тех пор. Подарил книгу с автографом: «Қадірлі қарындасым Раушанға. Асыл атаңның артындағы жоқшы болып жүрген табанды еңбегіңе үлкен ризашылықпен. 6.06.2006 ж.».

Когда он скончался, так неожиданно, так внезапно, хотя все знали, что он болел, я вспомнила почему-то аксакалов Акмолы, которые плакали при имени Иманжусупа и все повторяли: «Әкеміз еді (он был нашим отцом)». На похоронах Абиш-ага я стояла в толпе и не в силах была сдержать слез: «Әкем еді (он был моим отцом)». Через год после кончины Абиш-ага я сидела в его кабинете рядом с вдовой, Кларой-апа, и рассказывала ей о подвиге Абиша Кекильбаева, который так много делал, чтобы возродить забытые имена...

В 1998 году на имя президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева пришло письмо с просьбой об увековечении имени славного сына казахского народа Иманжусупа Кутпанова. Письмо было подписано известными личностями, общественными деятелями, представителями науки и искусства. Так, первым подписал обращение покойный Абдильда Тажибаев. Незадолго до его кончины я вместе с журналистом и братом Муратом Кулиббетовым пришла к девяностолетнему патриарху отечественной литературы. Абдильда-ага тогда уже был серьезно болен, за ним ухаживала его дочь Зифа. Когда он услышал, что пришла внучка Иманжусупа, он попросил поднять и посадить его. Он был очень слаб, практически не видел, и Зифа сказала: «Давайте я подпишу вместо вас». Он покачал головой: «Нет, я сам. Это очень важный документ. Сама история пришла ко мне сегодня, и я очень счастлив, что мне посчастливилось дожить до этого дня».

Слабым голосом, задыхаясь, напутствовал: «Как вернешься из Астаны, зайди, расскажешь мне новости». Когда я вернулась, Абдильда Тажибаев уже покинул этот свет. Мир вашему праху, дорогой Абдильда-ага.

Сафуан Шаймерденов тоже был давно болен и почти не вставал с постели, но меня встретил в гостиной. Бледный, худой, ослабевший, он не скрывал радости, что Иманжусуп реабилитирован, читал стихи поэта, напевал мелодии его песен. Письмо подписали еще такие знаменитости, как Манаш Козыбаев, Ермек Серкебаев, Бибигуль Толегенова, Музафар Алимбаев, Шерхан Муртаза, Герольд Бельгер, Кенес Нурпеисов, Хайдар Арыстанбеков, Мухтар Магауин.

В 2013 году, в год 150-летия Иманжусупа, почти во всех регионах Казахстана прошли юбилейные торжества. Феномен этого явления связан с тем, что жизнь и творческая биография поэта, композитора, певца чудесным образом объединяет в себе всю страну. Дед его – родом из Туркестана, отец – вырос в Ерейментау, пуповину будущему поэту перерезали в урочище Алтыбай, что в Павлодарской области. Более полувека прожил он в Акмоле, 15 лет – в Кызыл-Ординской области, четыре года провел в ссылке в Восточно-Казахстанской области, два года – в Аксу нынешней Алматинской области, два последних года жизни провел в Моинкумах, расстрелян в городе Таразе. Трагическая и вместе с тем счастливая судьба Иманжусупа – это и судьба его многострадальной земли, защитником которой он был. Его по праву называют символом свободы Казахстана, героем Независимости.

Вот оттого, наверное, юбилейные торжества в 2013 года вылились в необыкновенное единение людей, которые в течение года перемещались из региона в регион, принимали участие в празднествах. Были установлены памятники в Кызылординской, Павлодарской, Южно-Казахстанской областях, его именем названы Дворец спорта в Аксу, спортивный стадион в Шиели, школа в Жибек Жолы в Акмолинской области, улица в Астане. Созданы были документальные фильмы, изданы книги, выпущены диски с песнями Иманжусупа, проведены научно-практические конференции, республиканские айтысы, поэтические состязания.

В год 155-летия Иманжусупа на открытии торжеств аким города Аксу Николай Васильевич Дычко на чистом казахском языке говорил о том, что духовное воспитание молодого поколения он видит в системном возвращении памяти об Иманжусупе. Образ Иманжусупа должен вдохновлять и воспитывать молодежь, говорил Николай Васильевич, его подвиги во имя народа должны вселять веру в единство народа, его счастливое будущее. Было в тот день очень холодно – дул порывистый ветер, доходящий временами до штормового и срывающий баннеры и плакаты. На айтысе, несмотря на холод, вдохновение певцов достигало таких высот, что зрители встречали каждого участника восторженными криками и аплодисментами. Особенно понравился всем один из певцов-импровизаторов, который говорил, что современные певцы и поэты следуют традиции Иманжусупа и других батыров, что мчались на врага, не боясь встречного штормового ветра. Настоящий певец проявляет свой талант именно в годину трудную и полную испытаний. В каждой юрте шли представления, инсценировки о жизни семьи Кутпановых, и это было прекрасное зрелище, вызывавшее не раз слезы радости и восхищения. Первоклассникам подарили тетради, на обложках которых был запечатлен народный батыр.

* * *

Астана – дорогой моему сердцу город, потому что здесь жили мои предки, прожил более полувека мой дед Иманжусуп.

Когда выяснилось, что он по воле судьбы является внуком двух дедов – Дайрабая-батыра, кыпчака-курлеута из Ерейментау, усыновившего и воспитавшего его отца Кутпана, и родного по крови деда – прославленного Турганбая-датка, который потерял своего сына Баймырзу в девятимесячном возрасте, то Иманжусуп по приглашению родичей переехал со своей семьей на берега Сырдарьи.

Двое старших его братьев – Акшабай и Шонай, ссылаясь на свою старость, остались в родовой своей усадьбе. Почтенный аксакал Султан Толебеков, старожил Акмолы, был очевидцем многих событий. Например, он был свидетелем отъезда Иманжусупа в 1913 году.

Старики, бывало, сидя у тополя, посаженного Иманжусупом, сетовали, что, дескать, зря сын Кутпана оставил родные края, трудно приходится теперь без всегдашнего заступника и рачителя народа, да и он, скорее всего, тоскует по Кюгенжару, по братьям. Через 15 лет Иманжусуп вернулся в Акмолу с караваном верблюдов, вернулся за зерном, чтобы спасти голодающих сородичей.

Султан Толебеков вспоминал, что люди не могли налюбоваться на своего кумира, и многие плакали, желали, чтобы Иманжусуп не уезжал никуда. Но оказалось, что Иманжусуп должен выехать в дорогу через неделю. Караван с зерном был снаряжен, для сопровождения груза выехали несколько десятков молодых парней, которые, проводив караван до середины пути, вернулись обратно.

В 2000 году, когда в Астане прошел первый в истории возвращения Иманжусупа вечер памяти народного батыра, на сцену музыкально-драматического театра имени Калибека Куанышбаева вышли старики с берегов Сырдарьи и Есиля. Они стояли все вместе и благодарили Всевышнего за счастье видеть второе рождение Иманжусупа. Султан Толебеков, утирая слезы, сказал: «Мы были глупы и не понимали в те далекие годы, как он мог покинуть нас и уехать. А ведь он, родимый, уехал тогда, чтобы соединить нас, сделать родными два наших рода, потому что прозорлив был и знал, что сила наша в единстве. Пусть это случилось только сегодня, но мы теперь родные благодаря Иманжусупу, считавшему всех казахов родичами».

Слушая растроганные речи почтенного старца, я вспоминала своего отца. Выступая на республиканском радио, отец на вопрос журналиста: «Кем был для вас Иманжусуп?» ответил: «Он прежде всего казах. Сильный, могучий, настоящий батыр. А потом уже он мой отец. Он очень меня любил, и хотел, чтобы я остался жить».

И сегодня, когда на строительство и обустройство Астаны съехались мои соплеменники со всех уголков республики, скажет вдруг кто-нибудь в сердцах фразу: «Понаехали тут», имея в виду южан, я вспоминаю тот далекий весенний вечер, когда стояли на сцене северяне и южане, и были объединены общей любовью к славному сыну казахской земли, который выражал собой, своей жизнью, своей судьбой единство земли, единство народа.

Иманжусуп много сделал при жизни для того, чтобы потомки двух кипчакских родов жили в согласье и мире. Он переехал в Кызыл-Ординскую область, провел там 15 лет, но когда началась коллективизация, перекочевал в Моинкумы, возглавил там восстание против Советов и погиб, как герой. Он был объявлен

врагом народа, расстрелян в 1931 году. Молох сталинских репрессий беспощадным катком прошелся по земле, предавая забвению дорогие имена, сея клевету и наветы, внушая страх и боязнь, отнимая память и все человеческие чувства: привязанность, сострадание, любовь, жалость, милосердие, участие.

Есть в Астане улица имени Иманжусупа, почти у вокзала. На одном из домов табличка с портретом, с краткой информацией о нем. И когда я бываю на этой улице в Астане, брожу по коридорам школы в родовом селе Жибек Жолы, названной его именем, стою у столетнего тополя, посаженного им в Кюгенжаре, прохожу мимо бывшего кубринского парка, где когда-то дед состязался со своим другом Андреем и выиграл у него пари – табун лошадей, потому что знаменитый скакун Аксур обошел выписанный из Америки автомобиль, вспоминаю дружбу Иманжусупа с Кажимуканом и Балуан Шолаком, которые почитали его как старшего брата и гордились родством с ним, – я как будто иду по его следам, почти физически ощущаю его присутствие, и слышится мне в ночи цокот копыт его коня. Благодарю судьбу, что я живу в этом удивительном городе, и каждый мой прожитый день полон чудес, открытий и обретений. Рядом со мною – мои родичи, мои друзья, мои ученики, единомышленники. Еще откроет двери музей Иманжусупа, еще украсит столицу памятник, воздвигнутый в честь гордого духа Астаны – Иманжусупа, еще вырастет новая плеяда музыкантов и певцов, и песни Иманжусупа, полузабытые, насильно преданные забвению, утерянные, запрещенные, возвратятся и взлетят над городом, воспевая, как прежде, Акмолу, Есиль, доблесть и благородство, любовь и свободу...

За эти годы в Акмолу было много встреч и знакомств с людьми, в сердцах которых жила нетленная память об Иманжусупе. Я помню всех, и каждый из них прошел или еще проходит вместе со мной нелегкий путь по следам Тулпара, как называл его знаменитый жырши Мансур. Следы его ведут в будущее, куда перейдет Иманжусуп из прошлого и настоящего, чтобы навечно остаться символом Независимости, олицетворением гордого духа Астаны, гордого духа нашего народа, к которому обращена созидательная программа Президента «Рухани жангыру».

